

Посвящается моему покойному отцу Ли Шаопэну
и моей матери Фуцзита Эми

Принятые сокращения цитируемых журналов

AJCA — Australian Journal of Chinese Affairs

BNC — Bainianchao (Столетний прилив)

CQ — China Quarterly

Bulletin — Cold War International History Project Bulletin

DW — Dang de wenxian (Партийные документы)

DYZ — Dangshi yanjiu ziliao (Материалы исследований по истории партии)

DY — Dangshi yanjiu (Исследования по истории партии)

FEA — Far Eastern Affairs

JCWS — Journal of Cold War Studies

NC — Neibu cankao (Внутренний источник)

XX — Xuexi (Исследование)

ZDY — Zhonggong dangshi yanjiu (Исследование истории КПК)

ZDZ — Zhonggong dangshi ziliao (Материалы по истории КПК)

Благодарности

Работа над этой книгой длилась довольно долго. Я благодарна за поддержку моим наставникам, научному сообществу, друзьям и близким. Профессора Томас П. Бернштейн и Эндрю Дж. Нэйтан координировали процесс моих исследований и подготовку диссертации, а также оказывали всестороннюю поддержку, когда на основании своей работы я решила написать книгу. Профессор Бернштейн, обладающий глубокими знаниями в области советской истории и политики, внимательно изучил рукопись и предоставил ценные и содержательные комментарии. Мне посчастливилось работать под руководством этих выдающихся ученых, и я искренне благодарна им за поддержку и одобрение. В работе мне очень помогли беседы с различными исследователями. Я особенно признательна ныне покойным профессорам Бенджамину И. Шварцу и Адаму Уламу, а также профессорам Стюарту Шраму, Яношу Конаи, Жану К. Ои, Эндрю Уолдеру, Уильяму К. Кирби, Ричарду Краусу и Линде Гроув за их знания и мудрость. Профессор Элизабет Дж. Перри внесла ценные предложения на ранних этапах работы над проектом, а профессор Роберт С. Росс щедро поделился со мной своей подборкой материалов о Китае. Доктор Балаж Салонтай, венгерский ученый, прочитал рукопись моей книги и, опираясь на глубокие знания истории и политики Восточной Европы, сделал ряд важных замечаний. Я ценю его юмор и дружбу. Я также благодарна внешним рецензентам за их конструктивные рекомендации.

Выражаю особую признательность ученым и моим друзьям из Китая за их понимание и великодушие. Особенно помог мне Линь Юньхуэй, благодаря которому для меня открылись многие двери. Мне также помогали ученые Ли Хайвэнь, Ли Даньхуэй, покойный

Ли Шэньчжи, Шэнь Чжихуа, Ян Куйсун, Се Чунтао и Чжао Баосюй. Я хотела бы поблагодарить и многих других людей в Китае, которые помогали мне, но предпочли остаться неизвестными. Моя давняя подруга Цзан Цзянь стала для меня настоящим источником поддержки: вместе с супругом Пань Циндэ они всегда стремились сделать мое пребывание в Бэйда максимально комфортным и плодотворным, я искренне ценю их помощь и дружбу. Я хотела бы выразить признательность старшим коллегам из Государственного университета штата Орегон, где я начала свою преподавательскую карьеру в 1996 году. Профессора Лиза Эде и Эрлинда Гонзалес-Берри, а также декан Кей Ф. Шаффер, каждая по-своему, морально поддержали меня в процессе написания этой работы. Я благодарна им за доброту, воодушевление и мудрость.

Неоценимую помощь оказали несколько организаций. Летний грант на поездку от Национального центра материалов по исследованию Восточной Азии Стэнфордского университета в 1998 году позволил мне воспользоваться источниками библиотеки Гувера. Три гранта Valley Library Travel Grants от Университета штата Орегон — в 1997, 1999 и 2002 годах — сделали возможными мои поездки в Пекин и Гонконг для научной работы в местных библиотеках. Во время отпуска в 2000–2001 годах профессор Дали Л. Янг любезно предоставил мне поручительство как ассоциированному члену Центра исследований Восточной Азии в Чикагском университете. Я смогла не только получить доступ к материалам по Восточной Азии университетской библиотеки, но и поучаствовать в деятельности Центра. Версия главы 3 была опубликована в журнале *Russian History / Histoire Russe*, и издание любезно разрешило мне использовать ее как часть книги.

Для меня было огромным удовольствием работать с доктором Марком Крамером — редактором книжной серии. Обладая глубокими знаниями мировой коммунистической системы и тонким пониманием взаимоотношений между Сталиным и Мао, он внес ряд предложений и поделился идеями, которые значительно улучшили рукопись. Я искренне благодарна за поддержку, которую оказывал мне доктор Крамер в процессе написания книги. Я так-

же благодарю сотрудников издательства Rowman & Littlefield: Эйприл Лео из отдела редакционного производства, Джессика Гриббл, помощника редактора, и Мэтта Эванса, редактора. Эйприл и Джессика помогали мне в процессе подготовки книги и всегда оперативно отвечали на мои запросы. Мэтт внимательно просмотрел всю рукопись пристальным редакторским взглядом.

Постоянным источником поддержки для меня была моя семья. Моя мать — сильная женщина, японка, всегда подавала детям пример, вдохновляла упорным трудом и самоотдачей в профессиональной деятельности — сначала в Китае, а затем в Японии. Она сохраняла веру в меня на протяжении всей моей работы над проектом. Мой отец Ли Шаопэн, профессор русистики, не дожил до начала этого исследования, но, если бы ему суждено было дожить, он был бы немало удивлен, что я выбрала тему, связанную с Советским Союзом, где он учился в юности. Эта книга посвящена моим родителям.

Родственники со стороны мужа относились к моему исследованию с искренностью и великодушием, поддерживали мои научные занятия. Очень грустно, что мой тесть, покойный профессор Хирам Дж. Маклендон, который так интересовался этим проектом, не дожил до завершения работы.

Мой супруг Джим Маклендон не только разделял мою постоянную неудовлетворенность написанным материалом, но и всегда был готов обсуждать различные идеи, побуждая меня к более точному выражению мысли. Я часто спрашиваю себя: как же наш брак выдержал множество горячих споров о взглядах Сталина и Мао на социализм?

Разумеется, если в этой книге встречаются ошибки и неточности, за них ответственность несу только я.

Корваллис, Орегон
Осень 2005 года

Введение

В конце сентября 1953 года, спустя более полугода со смерти Иосифа Сталина и два месяца с начала перемирия в Корейской войне, Мао Цзэдун впервые публично объявил о новой политической платформе — Генеральной линии на переходный период к социализму. Вдохновленный сталинской концепцией 1929 года, получившей название генеральной линии, и предложенным в ее рамках подходом к построению социализма в Советском Союзе в конце 1920-х и в 1930-х годах, Мао призвал к преобразованию капиталистической экономики, социалистической индустриализации и коллективизации в Китайской Народной Республике (КНР). Эта политика была нацелена на ускорение перехода Китая к социализму и отражала решимость Мао ликвидировать экономическую систему, основанную на частной собственности, и заменить ее новой, основанной исключительно на государственной и коллективной собственности. В публичных заявлениях руководство партии обещало, что процесс будет постепенным, но сам Мао знал, что для достижения таких целей потребуются радикальные меры. Генеральная линия появилась в то время, когда сталинский путь к построению социализма подвергался сомнению не только в Советском Союзе, но и в демократических странах Восточной Европы, однако Мао оставался приверженцем такого подхода. Реализация генеральной линии в Китае началась в 1954 и продолжилась во время «подъема» (*гао чао*) 1955–1956 годов. К 1956 году задачи по претворению в жизнь генеральной линии были полностью выполнены, была построена экономическая система по сталинскому образцу.

Новая концепция означала серьезные изменения в политике Коммунистической партии Китая (КПК), так как предполагала

отказ от умеренного официального плана, принятого партией в 1949 году под лозунгом Новой демократии. Придя в 1949 году к власти, Мао и КПК заверили народ, что построение социализма — задача отдаленного будущего, поэтому гибридная экономика и частная собственность сохранятся еще долгое время. Они четко заявляли о своей приверженности идее поддерживать частную собственность в сельском хозяйстве и кустарной промышленности [Zhonggong 1986: 19]. Умеренная политико-экономическая ориентация Китая конца 1940-х сформировалась во многом под влиянием политических рекомендаций Сталина и идей, связанных с новой экономической политикой (НЭП) В. И. Ленина 1920-х годов.

Генеральная линия явилась полной неожиданностью для всей страны. После ее обнаружения в конце сентября 1953 года многие региональные партийные кадры были дезориентированы [Zhonggong 1986, 20:195–196], а предприниматели пребывали в шоке: они поняли, что партия их предала [Zhonggong 1986, 20:198]. Призыв Мао к социалистическим преобразованиям в рамках новой политики вызвал всеобщее замешательство, поскольку навязывал программу экономических преобразований, гораздо более радикальную, чем все, о чем говорилось ранее. Но для самого Мао такой ход неожиданным не был. В 1958 году он признался, что в 1949 году намеренно не стал раскрывать свою реальную программу, а решение не предавать ее огласке было вопросом тактики [Kaituo 1996: 178]. В 1949 году Мао не был уверен в том, что партия сможет эффективно управлять страной, поэтому старался сделать ее образ «не столь коммунистическим», как было на самом деле. Он надеялся заручиться поддержкой всех социальных групп: крестьян, капиталистов, торговцев, владельцев мелких лавок, разносчиков, ремесленников и интеллигенции. Тайные планы Мао противоречили не только политике, официально провозглашенной партией, но и его собственным публичным заявлениям того времени [Mao zaonian 1992: 216–218].

Такое изменение в политике было и остается загадкой для многих исследователей Китая. Самое удивительное — то, что Мао взял этот курс вопреки советам самого Сталина. Что стало при-

чиной резких перемен? Было ли это реакцией на холодную войну, усиленную Корейской войной (1950–1953)? Что произошло с Новой демократией? Как Мао обосновывал принципиальное изменение направления? Какие последствия повлек за собой такой поворот в политике в Китае, особенно для политической номенклатуры и в сфере политэкономии? Смена политики 1953 года стала поворотным пунктом в экономическом развитии страны после 1949 года¹. Такая трансформация ускорила переход к социализму, ликвидировала частную собственность и капиталистическую экономику, положила начало четверти века катастрофических социально-экономических экспериментов, экономического хаоса и конфликта элит. Закончилось все это лишь со смертью Мао.

Основная цель данного исследования — собрать воедино события того времени и попытаться разгадать тайну смены политики 1953 года, используя информацию, ставшую доступной в Китае с началом экономических реформ в конце 1970-х и в бывшем Советском Союзе с начала 1990-х годов. Главный вопрос не в том, почему в 1953 году Мао внезапно встал на сталинский путь построения социализма и тем самым отказался от экономической политики, принятой партией в 1949 году. (Подобная постановка проблемы предполагает, что в 1953 году Мао перестроил политику в основном — или даже исключительно — в ответ на новые условия.) Гораздо важнее то, что реорганизация политического направления стала кульминацией процесса, произошедшего вследствие изменений идей Мао в 1950 году, и реорганизация эта заключалась в постепенном и скрытом навязывании новой политической программы.

Для понимания новой политики Мао необходимо соотнести ее с более широким контекстом мирового коммунистического движения, коммунистической идеологии и отношений Мао со Сталиным. Можно выделить две основные причины столь резких перемен. Во-первых, Мао придавал большое значение советскому опыту 1920–1930-х годов, описанному в книге Сталина «Ис-

¹ Аналогичные аргументы приводятся в [Meliksetov 1996: 87].

тория ВКП(б). Краткий курс» (далее — *Краткий курс*)² [Liangong dangshi 1949], и полагал, что он может быть использован в качестве образца для развития Китая в конце 1940-х — начале 1950-х годов. Мао вдохновлялся *Кратким курсом* и использовал эту работу как дорожную карту, которая приведет Китай к социализму. Как в 1979 году красноречиво заметил Бенджамин И. Шварц, тот самый Мао,

...который осмелился принять на себя высокую ответственность осуществлять теоретическое руководство китайской компартией в Яньаньский период, похоже, без какой-либо критики принял видение «социализма», спроецированное сталинским «Кратким курсом истории ВКП(б)» [sic] [Schwartz 1979].

Во-вторых, изменение политики возникло в результате личного соперничества Мао со Сталиным и государственного соперничества Китая с Советским Союзом. При этом Мао относился к советскому лидеру с уважением и почтением, ценил его достижения, также восхищался Советским Союзом как ведущей страной коммунистического мира. Выбор точного времени изменения политики был обусловлен не только убежденностью Мао в том, что Китай уже готов к построению социализма, но и двусмысленным заявлением Сталина, которое Мао решил использовать в качестве одобрения своего плана по немедленному началу перехода к социализму.

Одним из наиболее интересных открытий моего исследования является парадокс, что Мао Цзэдун внедрил в Китае определенную форму сталинизма, несмотря на прямые предостережения самого Сталина. При этом Мао был вынужден разрешать внутренние противоречия между ранними трудами Сталина и его текущими политическими указаниями. Корни этого парадокса уходят в заявление Коминтерна 1938 года, сделанное, несомненно, по распо-

² Впервые я узнала о важном значении *Краткого курса* от Су Шаочжи — китайского диссидента — во время интервью в Кембридже, штат Массачусетс, 4 марта 1992 года.

ряжению Сталина, в котором *Краткий курс* назван «энциклопедией марксизма-ленинизма» [Zuotanhui 1989: 16]. Мао, как и прочие лидеры, признал идеологическое превосходство этой работы. Однако советы Сталина в отношении Китая в конце 1940-х — начале 1950-х годов отличались от той радикальной политики, которую он описывал в *Кратком курсе*. Сталин поддерживал идею окончательной экономической сталинизации Китая, однако выступал за постепенность в достижении этой цели.

Политика Сталина в отношении экономического развития Китая в конце 1940-х — начале 1950-х годов отличалась умеренностью, что совпадало по времени с его поддержкой радикальных экономических реформ в демократических странах Восточной Европы [Berend 1996]. Отказ Сталина от жесткой линии в отношении Китая обусловлен тремя причинами. Во-первых, он полагал, что из-за экономической отсталости стране необходим период восстановительного роста до начала социалистической трансформации. Во-вторых, Сталин рассматривал китайских капиталистов, в отличие от аналогичных групп в Восточной Европе и их взаимодействия с коммунистическими партиями, как союзника КПК в борьбе против империализма, считая допустимым сохранить этот класс до окончательной ликвидации империалистической угрозы. В-третьих, он признавал, что условия в Китае начала 1950-х принципиально отличаются от тех, что были в СССР в конце 1920-х — начале 1930-х, и считал нерациональным применять к Китаю критикуемую им ранее жесткую политику СССР. Сталин не сожалел о суровом обращении с кулаками в Советском Союзе, при этом в октябре 1952 года он признал в разговоре с Лю Шаоци, что переселение трех миллионов кулаков в Сибирь сопровождалось насилием. Это, по его мнению, было неизбежным в советских условиях того времени, но не следует переносить такую практику на китайскую почву³.

³ Подробнее см. телеграммы Лю Шаоци Мао из Москвы от 26 и 30 октября 1952 года. В телеграммах Лю передавал Мао рекомендации Сталина по политическим вопросам [DW 2005, 10]. Обсуждение этого вопроса с китайской стороны см. в [Shi Zhe 1991: 530].

Сталин не стал упоминать этот факт в своих заявлениях, однако жестокие меры против кулаков значительно выходили за рамки их переселения в Сибирь. Таким образом, прагматичный подход Сталина конца 1940-х — начала 1950-х годов прямо противоречил догматизму, отраженному в *Кратком курсе*.

Мао, движимый собственным радикализмом и стремлением превзойти Сталина, склонялся к следованию положениями *Краткого курса*. Для этого, парадоксальным образом, ему приходилось отвергать умеренные рекомендации Сталина. Как будет показано далее, Мао нередко разрешал подобные противоречия, создавая видимость послушания при одновременном осуществлении собственной политической программы, основанной на *Кратком курсе*. В попытках заручиться поддержкой китайских политиков он иногда искажал слова Сталина, легитимизируя таким образом собственные действия.

Источники и методология

В исследовании я в значительной степени опиралась на архивные материалы, обнародованные в Китае с середины 1980-х годов и в России с начала 1990-х⁴. Среди них — записи переговоров Сталина и Мао, Сталина и Чжоу Эньлая [Bulletin 1995/1996: 6–7, 5–9, 10–20], письменные отчеты, направленные КПК Сталину летом 1949 года [The Moscow Visit 1996], а также записи дискуссий на высшем уровне конца 1940-х и начала 1950-х годов [FEA 1992, 1: 100–116]. Эти материалы включают в том числе записи бесед советского посла в Пекине Николая Рощина с руководством КНР, а также членов правительств двух стран⁵. Я исполь-

⁴ Множество российских архивных материалов, переведенных на китайский язык, были предоставлены мне независимым китайским ученым Шэнь Чжихуа, который получил их в двух российских архивах: АВП РФ и РГАНИ. Вся российская архивная информация, которую я привожу в книге, взята из «Собрания российских архивов Шэнь Чжихуа».

⁵ Собрание архивов, которое я называю «Собрание российских архивов Шэнь Чжихуа», чрезвычайно ценно, поскольку в нем содержится информация о просьбах КПК к Советскому Союзу о помощи в конце 1940-х — начале

зовала недавние публикации на английском языке переписки Сталина по вопросам Китая с его приближенными: В. М. Молотовым и Г. М. Димитровым⁶. Я также обращалась к недавно опубликованным трудам Мао Цзэдуна⁷; политическим директивам Мао, Лю и КПК; внутренним партийным отчетам⁸, хроникам⁹ и рассекреченным документам разведки Государственного департамента США¹⁰; материалам партийной пропаганды КПК, которые публиковались в китайских СМИ в начале 1950-х годов¹¹.

1950-х годов. Кроме того, оно включает в себя записи бесед советского посла Николая Рощина с высшими китайскими руководителями, в том числе с Мао, Лю Шаоци, Чжоу Эньлаем, Чжу Дэ, Чэнь Юнем, Дун Биу и Го Можо, в период с конца 1949 по 1952 год. Эти записи дают ученым редкую возможность понять, как в то время китайские лидеры оценивали международную обстановку и ситуацию внутри страны. В целом китайское руководство, судя по всему, было откровенно в беседах с Рощиным.

⁶ См. [Stalin's Letters 1995; Diary of Georgi Dimitrov 2003].

⁷ См. [Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi 1993b] и [Mao Zedong zai qida 1995]. В сборники включены пять ранее неопубликованных статей. См. также [Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi 1993a]. Для моего исследования особенно важными представляются тома 5 и 6.

⁸ См. [Mao 1987–1998]. Для целей моего исследования чрезвычайно важны тома 1–5; [Liu 1998, 2005; ZDZ 1998]; [Zhongyang 1992], особенно тома 16–18; [Wenxian xuanbian 1993–1997], тома 1–4; [Zhonggong 1986]. В многотомном внутреннем издании Университета национальной обороны опубликованы газетные статьи, партийные директивы и внутренние партийные отчеты, см. тома 18–20. См. также [Zhonggong zhongyang wenxian yanjiushi 1993a; Gongheguo 1991], Neibu cankao [Internal reference] (здесь и далее — NC) — многотомное собрание отчетов, написанных репортерами агентства «Синьхуа»; эти отчеты отражали реальную ситуацию в стране в то время и представлялись для ознакомления только высокопоставленным членам КПК.

⁹ См. [Pang et al. 1993] и [Gu 1993], а также [Zhonggong zhongyang 1993a, 1993b, 1998; Liu 1996; Zhou 1997; Ren 1993; Chen 2000].

¹⁰ На мой взгляд, эти отчеты были написаны объективно и содержат полезную справочную информацию о китайско-советских отношениях 1950-х годов, об экономических условиях в Китае и странах Восточного блока, а также об изменениях в политике СССР после смерти Сталина в марте 1953 года. Эти разведывательные донесения хранятся во втором Национальном архиве, Колледж-Парк, штат Мэриленд.

¹¹ Я активно использовала материалы «Жэньминь жибао» и других изданий КПК, например «Сюэси».

Кроме того, я изучила мемуары и биографии высших партийных руководителей и других участников событий начала 1950-х годов, основанные на архивной информации, недоступной большинству исследователей¹². Моя работа опирается на недавние труды китайских ученых, имеющих доступ к партийным архивам¹³ (начиная с 1990-х годов). Из интервью, которые я взяла у специалистов по истории КПК, я почерпнула новую значимую информацию с учетом разных точек зрения и интерпретации событий.

Я часто ссылаюсь на мемуары Бо Ибо «*Жогань чжунда цзюэцзюй шицзянь дэ хуэйгу (шаницзюань)*» («Воспоминания о некоторых важных решениях и событиях», т. 1) и Ши Чжэ «*Цзай лиши цзюйжэнь шэньбянь: Ши Чжэ хуэйилу*» («В тени гигантов истории: воспоминания Ши Чжэ»). Обе книги были опубликованы в 1991 году и получили высокую оценку в Китае и на Западе. Использование мемуаров политических деятелей КПК представляет собой сложную задачу ввиду их выраженной предвзятости, обусловленной тремя основными факторами. Во-первых, многие из этих авторов, пережившие «культурную революцию», стремятся в первую очередь не к объективному изложению политических событий прошлого, а к восстановлению собственной репутации. Во-вторых, личная преданность отдельным политическим фигурам, включая бывших и нынешних коммунистических лидеров как внутри страны, так и за ее пределами, оказывает значительное влияние на содержание их трудов. В-третьих, в процессе написания мемуаров авторы нередко избегают затрагивания чувствительных исторических вопросов либо принимают по ним позиции, соответствующие актуальной партийной линии, что ограничивает полноту и объективность представляемого материала.

¹² См. [Zhonggong zhongyang 1991; Shi Zhe 1991; Hu Q. 1994; Li J. 1998; Li et al. 2000; Tao 1996; Jin 1996; Jin, Huang 1998; Zhou 1990; Cheng Zh. 1996; Huang 1995; Gong 1996; Li W. 1986; Deng Z. 1996; Tao 1993; Mao zaonian 1992; Gong Y. 1999; Xue 1997; Zhonggong zhongyang 1998].

¹³ См. [Lin et al. 1996; Pang, Lin 1996; Yang 1999].

Книги Бо и Ши не являются мемуарами в обычном смысле этого слова. Над созданием трудов Бо работала целая команда партийных исследователей, осуществлявших систематическую научно-исследовательскую деятельность и непосредственно формировавших тексты. В случае с книгой Ши коллектив был меньше, однако ему повезло работать вместе с незаурядным научным сотрудником Исследовательского бюро истории КПК Ли Хайвэня. Несмотря на широкое использование архивных материалов, критической необходимостью оставалось сопоставление информации с разнообразными источниками для подтверждения точности данных и интерпретаций. В этом контексте устные источники приобретают незаменимое значение, дополняя и верифицируя архивные свидетельства.

Было бы замечательно, если бы китайские архивы стали доступны исследователям, желающим разгадать тайны истории. Однако до сих пор ученым приходится вести своего рода «детективную» работу, собирая информацию из множества источников и пытаясь корректно интерпретировать их.

Структура книги

Эта книга состоит из пяти глав, введения и заключения. Во введении я излагаю в общих чертах проблематику, рассматриваемую в этой работе, привожу основные аргументы, описываю методы исследования и источники. В главе 1 «Исторический контекст и современность» я исследую внутреннюю и внешнюю ситуацию, когда Мао сформулировал свою новую политическую программу — Генеральную линию на переходный период к социализму. Особое внимание уделяется ограничениям, с которыми столкнулся Мао в связи с зависимостью от Сталина в вопросах национальной безопасности, а также в контексте необходимости получения Китаем экономической, технологической помощи и политической поддержки на международной арене. Также описывается почти-тотальное отношение Мао к постсталинскому коллективному руководству в Советском Союзе, что отражало определенный уровень уважения и признания новой политической реальности.

В главе 2 «Мао, Сталин и преобразование китайской экономики: 1948–1952 годы» я доказываю, что Мао преимущественно игнорировал прагматичные и умеренные рекомендации Сталина, предпочитая ориентироваться на *Краткий курс* и применять соответствующие директивы в своем руководстве. Мао следовал советам Сталина лишь в тех случаях, когда разделял его позицию, а в вопросах, которые считал ключевыми и по которым имел иное мнение, он шел собственным путем. В лучшем случае рекомендации Сталина лишь ограничивали радикальные замыслы Великого кормчего.

В главе 3 «*Краткий курс* Сталина и социалистическое преобразование китайской экономики в начале 1950-х годов» я рассматриваю значительное влияние *Краткого курса* на взгляды Мао и КПК. В начале главы я отслеживаю общее влияние этой книги начиная с ее появления в Китае в 1938 году, когда она использовалась для обучения кадров КПК, и до начала 1960-х годов, когда книга стала источником вдохновения для учебника истории КПК, используемого кадровыми работниками, интеллигенцией и студентами вузов. Далее рассматриваются два примера применения Мао идей, почерпнутых из этого курса. Первый — Кампания по упорядочению стиля работы (1941–1944), в рамках которой Мао устранил своих политических соперников и переписал партийную историю согласно концепции «борьбы двух линий», изложенной в *Кратком курсе*. Второй пример касается значимой роли *Краткого курса* в формировании экономической политики Китая после 1949 года, с особым акцентом на влияние этого текста на формулировку Мао генеральной линии. Он уделял особое внимание ряду ключевых аспектов: экономическим предпосылкам перехода к социализму, поэтапному и последовательному осуществлению этого перехода, политике на каждом этапе, а также срокам, необходимым для полного завершения социалистического преобразования.

В главе 4 «Разработка Мао Цзэдуном Генеральной линии на переход к социализму, октябрь 1952 — сентябрь 1953 года» анализируется концептуальная база и конкретная политика Мао

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru